

По весеннему небу плывут облака,
светлый вечер печалью согрет.
Он, конечно, приедет, —
но жизнь коротка,
и царевны давно уже нет.

Значит, можно обратно
отпрянуть во тьму,
значит, сказки не то говорят!
Тут и выйдут из леса навстречу ему
Светобор, Доброслав, Коловрат.

РОДНЯ

Не город детства моего,
а лишь его родня.
И без претензий на родство
мы жили здесь три дня.

Стоял короткий летний срок,
базар тонул в пыли.
Мы город вдоль и поперёк
три раза обошли.

А он зарылся от жары
в кленовый свой убор,
попрятал он свои дворы
за дровяной забор,

тонул в садах, в реке сидел,
ленился и скучал,
на посторонних не глядел
и нас не замечал.

И было сладко оттого
глазеть по сторонам,
что не должны мы ничего,
и он не должен нам.

Не город детства — но зато
двойник с его лицом.
Меня не держит здесь никто,
не ждёт перед крыльцом.

Пусть не причалю, уплыву
вперёд, как Одиссей, —
но здесь увижу наяву
прообраз жизни всей:

я думала — она моя,
я думала — родня,
но равнодушье бытия
царит вокруг меня.

Здесь незабудки между рам
наивные — хоть плачь,
на пустыре по вечерам
летает гулкий мяч.

И в тишине за час до сна
щемящий звук такой —
как бы натянута струна
в покосах за рекой.

МОЛЧАНИЕ

Голубого тумана завеса,
на сто вёрст по утрам тишина.
И в молчании ближнего леса
бесконечная повесть слышна.

Вот рябина ветвями качает,
вот неслышно кружится листва —
тот, кто жил, без труда
различает,
как молчанье слагает слова.

И бескрайние дали листая,
по равнине, слепой от дождя,
бродит смыслов безмолвная стая,
за предел бытия уходя.

Перелески, овраги да спуски,
безысходность заброшенных сёл...
Если ты понимаешь по-русски,
ты давно эту книгу прочёл.

Вовлечённый в поток поневоле,
собеседник безмолвный всего,
ты всё смотришь в широкое поле
и не смеешь сказать ничего.

У ЦЫГАН

За тем перелеском багряным,
в овраге, в ночи у костра
привольно живётся цыганам,
и можно гулять до утра.

Своей ли тоски тебе мало,
чтоб слушать их вольный напев?
Уж сколько здесь жизней
пропало,
последним огнём догорев!

Великая истины сила
взойдёт, смертоносно близка.
Тебя у цыган подкосила
твоя же слепая тоска.

Спиралью вращается красной,
стеной подступает к тебе
жестокий рассказ о напрасной,
загубленной русской судьбе.

И бьётся, и вырваться хочет
бурлящего сердца поток.
Цыганка поёт и хохочет,
бросая под ноги платок.

Душа заплутавшая! Годы
ушли на познание твоё.
Но дети бездумной природы
за миг прочитают её.

Как холоден путь до заставы,
как чёрен просёлок во тьме!
И только лишь месяц кровавый
по левой встаёт стороне.

ВЕСНА В ЗИМНИКЕ

Владимиру Крутину

Нарождается праздник
цветущей весны,
и такое в природе творится!..
Стоит солнцу взойти — и с
любой стороны
вылет пчёл на цветы состоится.

Потому что и яблони все зацвели,
а куда от сирени деваться!
И буравят листву золотые шмели,
нагибая соцветья акаций.

Это школьный, старинный,
раскидистый сад,
это детства весенняя зона,
где сияющий воздух до неба объят
ровным гулом пчелиного звона.

Над бескрайней равниной побед
и потерь
голубые раскинуты сети.
Вот и школьный звонок —
и в открытую дверь
на каникулы вырвутся дети.

На окне — позабытая кем-то
тетрадь,
жизни пройденной малая веха.
Улетели! Умчались! Ничем не
сдержать
беззаботного детского смеха!

И не веришь, что миг торжества
преходящ,
и забудешь, что праздник не
вечен:
стоит солнцу зайти — из
берёзовых чащ
вылет майских жуков обеспечен.

В темноте они мягко и густо
скользят,
зачарованный путь выбирая,
чтобы рушиться вниз и
стучаться, как град,
о дощатую крышу сарая.

ТРАМВАЙ ЖИВАГО

В тридцать лет мы не знаем,
когда мы умрём,
нам не стыдно слоняться без дела.
И в зените над городом, над
пустырём
неподвижное солнце висело.

Поднебесное облачко бросило
тень —
и опять безмятежна природа.
Как медлительно, сладостно
тянется день,
весь июль девяностого года!

Будут август, октябрь. И уже
не шутя,
с удивленьем, с восторгом,
с тоскою
ты насмотришься туч, дорогое
дитя,
ты увидишь ещё не такое!

Твой зенит приходился на
самый канун,
ты обратно не сможешь
вернуться —
лирик, физик, философ,
мятежный вещун,
жертва русских своих революций.

И уже погрузились в глубокий
склероз
ураганные чёрные годы.

И не всё ли равно, кто в
осколки разнёс
недопитую чашу свободы!

Ты пройдёшь, и тебя не узнают
в лицо,
ты и сам никого не узнаешь.
Как во сне, обручальное наше
кольцо
на мешок овощей поменяешь.

Донным илом покрыты колонны
и лвы,
перепрели перо и бумага.
Ничего не прося, не подняв
головы,
ты проедешь в трамвае Живаго.

Из космических, дальних,
нездешних времён
звёздный свет, не дойдя,
замирает.

И безмолвно на твоей
летаргический сон
многомудрая вечность взирает.

ПОЭТ ФОМЕНКО

Свершилась поколений
пересменка,
круги дождя распались на воде.
Мне вспоминается поэт
Фоменко,
который долго жил в Караганде.

Потом он в Шахматове пил
жестоко,
сторожки тёмной обживал углы.
Он выходил во двор — и образ
Блока
ему являлся из вечерней мглы.

И Блок смотрел с безмолвной
укоризной
секунды три из пелены дождя,
и растворялся в небе над
Отчизной,
в её туман легко переходя.

Леса роняли жёлтое убранство,
клонились долу жёлтые цветы,
и было ливнем занято
пространство,
в которое рискнул вернуться ты.

Срывай, поэт, листы бездомных
лилий,
глуши вино в попутных
поездах!
Нам негде жить: мы слишком
долго жили
в Караганде и прочих городах.

Оглянешься на тёмное, пустое,
за что тебе полвека зачтено, —
и думаешь, что дальше жить
не стоит.
Быть иль не быть! Теперь уж
всё равно.

Не тяжело в бесчувствии
глубоком
доматывать уже недолгий срок.
Твоя судьба могла бы стать
уроком,
но никому не нужен твой урок.

ЦВЕТЫ

В.Е. Ковскому

Ты спишь в суете новостей
городских
прижизненным сном суеты.
А здесь, в стороне от потоков
людских,
цветут на газоне цветы.

Здесь осень сомкнула свои купола,
здесь жилы Вселенной легли,
и красная лава к ногам изошла
из самого сердца Земли.

Пылает газон негасимым огнём,
ничто ему ветер и дождь.
И вечная тайна содержится в нём,
которую ты не поймёшь.

Как будто, сойдя с иноземных
орбит
в единую точку тепла,
неведомый разум безмолвно
скорбит
о жизни, что мимо прошла.

Отсюда ты в небо ночное взгляни,
как в чёрный, погибельный ров,
где светятся звёзд бортовые огни
перед самым крушением миров.

И может, давно уже небо мертво,
и наша погибель близка,
а ты не успел, не успел ничего
за долгие эти века.

*Поздравляем
Светлану Анатольевну с юбилеем!
Желаем здоровья и новых
непревзойдённых стихов!*